

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Текст сквозь призму философии М. М. Бахтина

Е. Р. КОРНИЕНКО

(ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)*

В статье подробно анализируются основные положения философии М. М. Бахтина, касающиеся особенностей функционирования текста как в рамках одной культуры, так и в системе диалога культур. Автор, основываясь на собственном опыте преподавания, обсуждает вопрос интеграции идей М. М. Бахтина в процесс обучения иностранному языку.

Ключевые слова: текст, контекст, диалог культур, коммуникация, картина мира.

Text through the Prism of M. M. Bakhtin's Philosophy

E. R. KORNIENKO

(THE INSTITUTE OF LINGUISTICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

The article deals with the fundamental concepts of M. M. Bakhtin's philosophy that regard the features of text functioning within both the framework of one culture and in the system of dialogue of cultures. Basing on her practical teaching experience the author discusses the ways of practical implementation of Bakhtin's ideas into the process of foreign languages teaching.

Keywords: text, context, dialogue of cultures, communication, world view.

Общеизвестно, что окружающая нас действительность преломляется в сознании человека через призму перцептивного опыта. При этом мир воспринимается не пассивно, а на основе национальных особенностей личности, ее системы воззрений и верований, культурных традиций и стереотипов. Именно социальная среда, в которой проходит становление человека в определенной культуре, обуславливает оценку и интерпретацию полученной информации. Влияние культурной составляющей отчетливо проявляется не только в духовных, нравственных

и эстетических потребностях человека, но и в общении людей, принадлежащих к различным культурам.

Одной из центральных проблем исследуемой нами концепции Бахтина является анализ феномена текста как отражения сложноорганизованного диалога с «другим» внутри отдельной культуры и шире — диалога между культурами. Текст рассматривается как высказывание, включенное в цепь культуры, т. е. в широком контексте культуры прошлого, настоящего и будущего. Как указывал Бахтин, «произведения разбивают

* Корниенко Елена Радмировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН. Тел.: (495) 690-35-85. Эл. адрес: ekorni@mail.ru

границы своего времени, живут в веках, т. е. в *большом времени*, притом часто (а великие произведения — всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» (Бахтин, 1979: 331). Текст понимается Бахтиным как «первичная данность» мысли. И его смысл раздвигается по обе стороны хронологического времени: в «настоящее» (в «средоточие этого текста») втягивается все, бывшее в прошлом, и все, могущее быть в будущем. В итоге остается только одно настоящее время, общение, «внутри» которого охватываются все времена, оказывающиеся исходными для понятия культуры (Бахтин, 1986: 332). Это означает необходимость установления не однолинейного, однонаправленного движения во времени (от прошлого — к настоящему — к будущему), а взаимное движение: из настоящего к прошлому и будущему, из прошлого и будущего внутрь настоящего. Если представить такой путь, то необходимо признать, что и отношения между реальными людьми (например, между героем, автором и читателем) — в контексте культуры — решительным образом перестраиваются. Между ними возникают социальные связи в особом, необыкновенном значении самого понятия «социум», где текст как знак определенной культуры находится в сложных отношениях с прошлым, настоящим и будущим, что возможно в рамках как отдельной культуры, так и на уровне взаимодействия разных культур.

В своей незаконченной работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа», которая датируется 1959–1961 гг., Бахтин пишет: «Где нет текста, там нет и объекта для исследования мышления». «Текст (письменный и устный) является практически уникальной, неповторимой и единственной формой заявления о себе, обнаружения себя вовне «мыслящей субстанцией» (Бахтин, 1979: 282–283). М. М. Бахтин считает любой текст уникальным, единственным и неповторимым — в этом его замысел, то, ради чего он создан. Одним из ключевых факторов данной концепции является поло-

жение о том, что «высказывание наполнено диалогическими обертонами» (Бахтин, 1986: 464). Мысль вбирает в себя их, формируясь в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями. Следовательно, текст всегда существует и развивается на рубеже сознаний двух субъектов. Поэтому сознание воспринимающего не может не учитываться при рассмотрении текста (реципиент «входит» в структуру текста): «Текст не вещь, а поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать» (Бахтин, 1979: 285). Наряду с этим М. М. Бахтин отмечает наличие в тексте двух полюсов: общепонятную систему знаков, позволяющую идентифицировать текстовое значение, и индивидуальное, неповторимое смысловое содержание, которое выходит за границы текста в культурные контексты обоих субъектов. Следовательно, диалогичность текста предполагает как минимум наличие, помимо автора, второго субъекта. Причем акцент делается не на взаимодействии, т. е. не на диалоге реального читателя и текста, а на том, как — с помощью каких языковых средств — в тексте воплощается ориентация на предполагаемого адресата как значимого «другого» и как у него изменяется представление о мире. Но этот «второй» — не есть просто зеркало или отражение готовых смыслов. Адресат здесь выступает в роли вполне суверенного субъекта, связанного с автором речевой/текстовой коммуникацией. Ему адресован текст, и он должен понять и ответить на него. В основе этого понимания лежит диалогическая природа взаимоотношений смысловых целых: если текст воплощен в слове, то он может и должен существовать как некоторая предрасположенность к ответу. Если контексты автора и интерпретатора не совпадают, то тогда понимание текста становится проблематичным и требует специальных познавательных процедур по идентификации его смысла. Но даже в оптимальном случае, когда культурные контексты обоих субъектов, казалось бы, совпадают, каждый из них имеет различный кругозор, что также затрудняет

процесс понимания. Следовательно, текст — «чужое слово» — играет для адресата не только роль сообщения о предмете, но и катализатора собственной мысли, которая опирается на кругозор данного субъекта.

Изначальная ориентированность текста на «другого» определяет его содержание и структуру. Текст содержит не сообщение, хотя таковое и присутствует в нем, а ответ на поставленный самим же автором вопрос о смысле данного предмета и вопрос к «другому» о согласии/несогласии с высказыванием автора. Бахтин указывает, что под смыслом он понимает ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено смысла, который, по мнению философа, рождается лишь при столкновении двух сознаний, двух субъектов. Для того чтобы текст, содержащий сообщение, мог рассчитывать на понимание, он должен строиться в культурно-адаптированной языковой системе, объединяющей автора с теми другими, на понимание которых он рассчитан.

Если рассматривать коммуникантов с точки зрения инициативности в передаче информации партнеру, то можно выделить две большие группы участников общения — отправителей и получателей языковых сообщений. При этом важно учитывать, что наряду с автором и субъектом, которому адресовано высказывание, в тексте присутствует «третий». Оба — и первый и второй — непосредственных участника диалога ощущают потребность в его присутствии и возлагают на него роль верховного беспристрастного судьи. В этой связи Бахтин пишет, что «автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего *нададресата* (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого подразумевается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени». «И хотя «третий», казалось бы, стоит вне непосредственного акта коммуникации, его присутствие не безразлично для нее» (Бахтин, 1979: 305–306).

Таким образом, интерпретация текста рассматривается Бахтиным как пересечение

двух автономных кругозоров, в результате чего раскрываются скрытые смыслы или же порождаются новые, не содержащиеся в нем ранее. Иными словами, всякий текст существует как некая предрасположенность к диалогу. Диалогичен сам человек, который, общаясь с другими людьми, обращается и к другому своему «я». И наоборот, задавая себе вопросы и не находя на них ответа, человек спрашивает других, а если он сам пишет ответ, то все равно не успокоится до тех пор, пока не передаст его, сделав понятным кому-то другому (Бахтин, 1979: 312–313). Текст, являясь, по Бахтину, высказыванием, ждет ответного активного понимания, т. е. он есть «отражение отражения» (Бахтин, 1979: 291). Иными словами, диалог лежит в основе архитектоники культуры, социальной жизни и сознания человека. Он становится не только способом выражения мысли, но и самой жизнью. По мнению М. М. Бахтина, «диалогический рубеж пересекает все поле живого человеческого мышления» (Бахтин, 1979: 299). Все виды и формы интеллектуальной и творческой деятельности диалогичны. Тем самым в процессе развития человеческой коммуникации создается обмен сообщениями — от обмена между полушариями большого мозга человека до обмена культурами. С этих позиций направленность на адресата представляет собой имманентную характеристику текста, своего рода воплощение антропоцентричности, служащей базой его восприятия, прочтения и интерпретации. И в процессе такого функционирования произведение, например литературное, «обнаруживает способность конденсировать информацию, приобретает память» (Лотман, 1981: 50). При этом содержание текста выходит за свои пределы и включается в текстовую цепь. В таком случае текст перестает быть текстом, выходит за свои пределы и становится основанием уже нового понятия «культура», которая, как считает М. М. Бахтин, персоналистична по своему духу и демонстрирует различные аспекты «восприятия мира и человеческой жизни» (Бахтин, 1979: 8).

Другой важной идеей Бахтина, в которой заложен глубокий культурологический смысл филологии, является идея «текста текстов» — текста-монады, отражающей в себе, и втягивающей в себя, и излучающей из себя все возможные и все бывшие тексты. Такой монадой общения культур может и должен служить каждый текст, понятый как фокус, средоточие некоего особенного, кругами расходящегося во всеобщность диалога между культурами, веками и народами о каком-то из вопросов человеческого бытия. Полный спектр таких диалогов и составляет неисчерпаемое и постоянно возобновляемое бытие этих культур. Именно на стадии «присвоения» культуры общества происходит формирование личности в целом. Данная мысль точно переключается с теорией А. Н. Леонтьева о формировании личности и ее мышления в процессе «присвоения» культуры общества (Леонтьев, 1972). Эта проблема актуальна в первую очередь для осознания той огромной роли, которую играют приобретенные человеком культурные знания, составляющие ядро национальной специфики его мышления. И текст как монада, по мнению М. М. Бахтина, отражает в себе все возможные смыслы этих знаний, а любое слово хочет быть услышанным, понятным, ответственным, так как оно ориентировано на описание любого коммуникативного пространства, предполагающего включение в него коммуникантов. При этом следует учесть, что текст как таковой реально существует только при восприятии его реципиентом и в рамках определенных условий, а именно:

а) внешних условий его функционирования как результат текстообразующей деятельности, направленной на конкретного реципиента или на социумно однородную группу реципиентов;

б) внутренних условий его существования при наличии некоторого «информационного напряжения» между участниками коммуникации (Лотман, 1981:13).

Принципиально важным моментом в концепции М. М. Бахтина является понимание текста как смыслового целого. С обществен-

ной точки зрения результатом такого понимания можно считать «приобщение к большинству», т. е. социализацию реципиента, получающего через тексты культуры программы, формирующие человека как личность. Одним из средств социализации личности является речевое общение, в том числе и текстовое общение, так как особенности работы мышления определены тем, что это работа в тексте, мышление в тексте, бытие человека в тексте. Это именно та форма, которая адекватна бытию человека. «Дух (и свой и чужой) не может быть дан как вещь... а только в знаковом выражении, реализации в текстах, для себя и для других...» (Бахтин, 1979: 284). Указанную точку зрения разделяется и Р. Барт, также заметивший особенность того, что «текст обретает свое единство не в происхождении своем, а в предназначении» (Барт, 1994: 390).

В свете культурологической теории М. Бахтина тексты могут «переходить» из одного культурного контекста в другой, актуализируя скрытые, потенциально значимые смыслы. При этом субъект, дух, личность — это не «индивид», но шире — сама культура как автор, как личность, живущая после своей «формационной» смерти в континууме «диалога по последним вопросам бытия».

Итак, основываясь на концепции М. Бахтина, мы можем заключить, что у каждого сформировавшегося человека есть своя, пусть не вполне осознаваемая, невербализуемая, интуитивная модель мира; не столько, может быть, идея, сколько представление о мире, о человеке и о себе, о своем месте в мире и обществе. Вживаясь в «другую» индивидуальность, человек ни на миг не теряет себя до конца, своего места вне «другого». Так, в работе «К философии поступка» М. М. Бахтин специально останавливается на этом вопросе, рассматривая предельную зависимость индивида от того, как воспринят и «впитан» им образ «другого», по которому он выверяет свое бытие. «Если я не признаю его хотя бы частичной правоты, не пытаюсь принять этой правды, я обедняю себя. Воинственно упраздняя чужую точку зрения,

я отвергаю не чужую идею, а чужое бытие» (Бахтин, 1975: 78). Бахтин именно в «другом» усматривает импульс для развития личности: «Когда нас двое, то с точки зрения действительной продуктивности события важно не то, что, кроме меня, есть еще один, — писал Бахтин, — по существу такой же человек, а то, что он (другой) для меня человек, и в этом смысле его простое сочувствие моей жизни не есть наше слияние в одно существо и не есть нумерическое повторение моей жизни, но существенное обогащение события, ибо моя жизнь сопереживается им в новой форме, в новой ценностной категории — как жизнь другого человека, которая ценностно иначе окрашена... чем моя собственная жизнь» (Бахтин, 1975: 84). Вот почему философская антропология Бахтина начинается именно с «другого», а не с «я». Понять личностное богатство человека можно только, выявив в нем потенциал общения: «Я прячется в другого и других, хочет быть только другим для других, войти до конца в мир других, сбросить с себя бремя единственного в мире Я (Я для себя)» (Бахтин, 1986: 371).

Исследование М. М. Бахтина о Рабле (Бахтин, 1990) парадоксальным образом выпадает из его общей концепции. Диалог между субъектом, между «я» и «другим» замещается вдруг неразделимыми связями внутри целостной системы культуры. Если прежде о человеке говорилось, что он никогда не совпадает с самим собой, то теперь это относится к культуре. «Другой» — это, судя по всему, вообще не нечто персонифицированное, а, наоборот, обезличенная среда культуры, в которой происходит процесс. И вненаходимость — это тоже отныне не позиция другого человека, а могучий рычаг познания чужой культуры. Из этого вытекает, что диалогическое сознание ориентировано на широкие межличностные и межкультурные контакты, а также на освоение чужого опыта, что создает условия для творческой деятельности, направленной на понимание чужой культуры.

Таким образом, М. М. Бахтин рассматривает диалог как универсальное общение,

как основной принцип не только культурного, но и человеческого существования. Диалог выступает у него не просто средством обретения истины, модусом благоприятного человеческого существования, он оказывается вообще единственным средством узнавания бытия, соприкосновения с ним. По мнению Бахтина, коммуникация может выступать как «высший момент понимания» философской истины. Мысль истинна в той мере, в какой способствует общению. Даже в том случае, если высказывание/текст адресовано самому себе (внутренний монолог или мемуары, не рассчитанные на постороннего читателя), оно все равно обращено к «другому» и учитывает его ответную реакцию, которая зависит от того, обладает ли этот человек знанием знаковой системы, необходимой для данной сферы общения. Являясь элементом или единицей процесса культурной коммуникации, текст есть диалогическая встреча двух субъектов, погруженных в практически бесконечный культурный контекст.

Проблема функционирования текста в культуре является одной из важнейших в процессе интерпретации межкультурного общения, носящего всеобъемлющий, универсальный характер и направленного на поиск истины. При этом диалогичность текста рассматривается философом как «цепочка реакций субъекта на воспринимаемый текст, за которым стоит отражающая его культура» (Бахтин 1979: 467). Несмотря на то что концепция М. М. Бахтина не была нова для философии (впервые она в зачаточной форме была сформулирована еще в античные времена Платоном и Сократом), его заслуга состоит прежде всего в том, что он углубил, расширил ее, создав методологически универсальную теорию, ставшую объектом исследования различных дисциплин — культурологии, лингвистики, филологии, педагогики и т. д.

В наиболее систематизированном виде философия М. М. Бахтина трактует текст в качестве суперзнака, существующего в системе широкого культурного контекста. Обращаясь к наследию М. М. Бахтина, теоре-

тически и экспериментально изучая модели «автор — текст — реципиент», исследуя процессы взаимодействия реципиента и текста, мы видим, насколько гениально русский мыслитель выстраивает богатейший мир субъектного общения, при котором учитываются особенности отдельного адресата или предполагаемой читательской аудитории, а также воплощенные в тексте языковые средства, столь необходимые для декодирования определенной смысловой информации.

Исходя из собственного опыта преподавания, можно утверждать, что в процессе обучения иностранному языку признание субъективности «другого» есть необходимое условие самореализации личности. У педагога не должно быть позиции лидера, а лишь необходимость совместного поиска, например при выявлении глубинных смыслов изучаемого на уроке художественного произведения. Именно поэтому сопоставление нового, приобретаемого учеником опыта с имеющимися у него духовными ценностями и морально-этическими представлениями всегда сопровождается приобретением индивидуального опыта общения с культурой, как со своей, так и иностранной. В этой связи следует упомянуть точку зрения Бахтина, согласно которой «воспитательный процесс включает в себя всех участников не как механическую сумму, а как диалектически взаимодействующих субъектов, но субъект как таковой не может восприниматься как вещь, ибо... он не может стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» (Бахтин, 1975: 363).

Литературные тексты в силу своего положения в системе культуры могут способствовать более глубокому освоению знания, развитию творческих способностей учащегося, формируя при этом поликультурную личность, открыто воспринимающую другой образ жизни, так как через призму постижения художественного произведения представителями какой-либо определенной этнокультуры усваиваются знания о «картине мира» других народов. Ведь именно через текст, как отмечается в работах М. М. Бахтина, происходит общение или микродиалог с «другим» в «Большом времени» культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт, Р. (1994) Смерть автора // Избр. работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс ; Универс. С. 384–391.
- Бахтин, М. М. (1979) Эстетика словесного творчества. М. : Искусство.
- Бахтин, М. М. (1986) Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство.
- Бахтин, М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература.
- Бахтин, М. М. (1990) Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература.
- Леонтьев, А. Н. (1972) Проблемы развития психики. М. : Наука.
- Лотман, Ю. М. (1981) Текст в тексте // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 567. М. : Наука.